

ПРОБЛЕМИ ВІЗАНТИНІСТИКИ

ВИЗАНТИЯ В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ НОВОРОССИЙСКОГО (ОДЕССКОГО) УНИВЕРСИТЕТА (середина 60-ых – первая половина 80-ых г. XIX в.)

С. И. Лиман, С. Б. Сорочан

Одним из наиболее характерных проявлений Великих Реформ в России явилось принятие либерального университетского Устава 1863 г., а одним из главных его практических воплощений – открытие в 1865 г. Новороссийского университета в Одессе. Созданный на базе известного Ришельевского лицея, в городе, прославившим себя двадцатилетней плодотворной деятельностью Одесского общества истории и древностей, университет сумел не только сохранить, но и преумножить лучшие византиноведческие научные традиции региона. Данная тенденция наиболее ярко проявилась уже в первое двадцатилетие его существования (1865–1885). Это двадцатилетие хронологически полностью совпадает с третьим периодом развития дореволюционной отечественной медиевистики.

В отечественной историографии ещё не предпринималась попытка создания специального исследования, посвящённого анализу византистики в Одесском университете в указанный период – рассматривались лишь отдельные аспекты этой проблемы. В персональном плане данные работы были посвящены, прежде всего, научному наследию Ф. И. Успенского. Хотя они носили мемориальный¹ или юбилейный² характер, в них содержался анализ ряда основных трудов учёного, созданных им в одесский период, однако в свете данных, накопленных византистикой за последние 60–80 лет, эти выводы нуждаются в уточнениях. Значение наиболее крупных работ Ф. И. Успенского частично показано в обобщающих историографических трудах в контексте развития европейской византистики³, отечественной медиевистики⁴, византийско-славянских⁵, в том числе византийско-болгарских⁶ отношений. Научное наследие другого одесского византиста, В. И. Григоровича, специально рассматривалось авторами настоящей статьи⁷. Заслуги одесских византистов украинских земель отмечались и в рамках историографии проблемы изучения аграрных отношений⁸. Отметим также важность современного четырёхтомного биографического словаря „Професори Одеського університету“, содержащего ряд кратких обобщающих оценок научного наследия В. И. Григоровича, Ф. И. Успенского, Н. П. Кондакова⁹. В свете вышеизложенного историографического обзора, цель данной статьи – заполнить существующий пробел в современной византистике и на максимально дос-

группном историческом материале представляются результаты изучения истории Византии в Новороссийском университете в первое двадцатилетие его существования.

У истоков университетского византиноведения в Одессе стоял крупнейший историк Российской империи 40–70-ых г. XIX ст. В. И. Григорович (1815–1876). Между тем в отечественной историографии его творчество рассматривается почти исключительно в контексте развития славяноведения. Общеизвестно, насколько тесно связано друг с другом в проблемном плане изучение истории славян и Византии. Однако, подчёркивая роль В. И. Григоровича как одного из основоположников общероссийского славяноведения, С. Б. Бернштейн, например, считал, что даже в этом качестве научная деятельность историка именно в Казани „...оставила наиболее значительные следы в области изучения истории славян“, в то время как для одесского периода его творчества характерны в основном „мелкие заметки“ и даже откровенные исследовательские „неудачи“¹⁰. Между тем, анализ византиноведческого научного наследия В. И. Григоровича в одесский период его творчества (1864–1876) позволяет говорить о нём скорее в мажорных, чем в минорных тонах.

На этот период, как на особый период в творчестве В. И. Григоровича, справедливо указывал уже первый издатель собрания его сочинений, профессор Новороссийского (Одесского) университета М. Г. Попруженко¹¹. Уроженец Подольской губернии, выпускник Уманского униатского училища, В. И. Григорович прошёл обучение в Харьковском и Дерптском университетах, а в 1838 г. был приглашен в Казанский университет. Здесь в 1839 г. он занял новооткрытую кафедру славяноведения, профессором которой и состоял с небольшими перерывами до 1863 г. В этом году он был уволен министром „согласно прошению по болезни с назначением ему пенсии с 1 января 1864 г. в размере 1143 р. 68 коп. в год“¹². После увольнения В. И. Григорович перебрался в Херсон, будучи уже известным учёным, автором многих славяноведческих работ, в том числе магистерской диссертации „Краткое обозрение славянских литератур“ (1842).

Его переезд в Новороссию почти совпал с учреждением здесь в 1865 г. Новороссийского университета. С мая 1865 г. В. И. Григорович был включен в его штат в качестве ординарного профессора кафедры славянской филологии. В Одессе он читал ряд славяноведческих курсов („Словянские* древности“, „О землях, народах и языках словянских“, „Обозрение словянских языков и народов“) и активно участвовал в деятельности Славянского благотворительного общества, первым секретарем которого был избран в 1870 г. Свою научную деятельность в Одессе В. И. Григорович завершил за несколько месяцев до смерти. В сентябре 1876 г. его второе подряд прошение об отставке было, наконец, удовлетворено. Ученый переехал в Елизаветград, где и умер в декабре того же года.

Его научное наследие представляет несомненный интерес с точки зрения сразу нескольких направлений исторической науки – славяноведения, кра-

* В своём творчестве В. И. Григорович традиционно использовал написание „словяне“ и „словянский“.

ведения, византистики. История Византии В. И. Григорович в той или иной степени касался в пяти статьях, опубликованных им в Херсоне и Одессе, а также в посмертном издании курса лекций „Славянские древности“. Византийско-славянские отношения и влияние Византии на славян в конфессиональной и образовательной сфере – доминирующее направление указанных работ.

Первой из них, созданных рукой зрелого, глубокого мастера, стала опубликованная еще в Херсоне статья „Исторические намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X ст.“. Несмотря на то, что статья изобиловала рядом предположений, а не утверждений, В. И. Григорович сумел представить в ней краткий, но емкий очерк раннесредневекового Херсона как части Византийской империи и его роли в христианизации народов Северного Причерноморья и Хазарии. При определении начала этого процесса ученый отошел от традиции считать таковым пребывание в Херсоне Кирилла и Мефодия. По его мнению, уже с начала VIII в. корсуняне стали „...действовать на своих соседей не политикою только, направленной на поджигание раздоров, но мерами примирения, сближая посредством христианства разноплеменных варваров“¹³. Другое дело, что причину этого он видел в „антагонизме с Византией“, который не находит подтверждения¹⁴. Тем не менее Г. И. Григорович верно называл Херсон не только логичной исходной точкой миссии солунских братьев, но и посредником между Византией и Русью. Веским доказательством важности Херсона „при содействии вселенской церкви, в просвещении севера“¹⁵ ученый считал содержание двух писем патриарха Николая Мистика, отправленные архиепископу Херсона и некоему неизвестному, которого исследователь первым верно интерпретировал как стратига Херсона. В статье, помимо подробного, комментированного разбора их содержания, был опубликован греческий текст с параллельным, впервые выполненным русским переводом этого важного, уникального источника об организации миссионерской деятельности Византийской церкви в начале X в.¹⁶

Хотя данная статья, по предположению М. Г. Попруженко, была опубликована ученым с целью получения вакансии в открываемом Новороссийском университете¹⁷, В. И. Григорович продолжил изучение данной тематики и в Одессе. В публикации „Заметки о Солуне и Корсуне по поводу непорешенного вопроса“ он выдвинул гипотезу о том, что именно в этих двух городах у Кирилла и Мефодия могла возникнуть идея о славянской азбуке и славянском богослужении¹⁸. Считая их ключевыми пунктами деятельности солунских братьев, В. И. Григорович показал значение Фесслоники и Херсона (Корсуни) как в политическом, так и в культурном отношении. Он справедливо заметил, что в X в. Солунь, даже ограбленная пиратами Льва Триполлийского, продолжала считаться вторым городом Византийской империи после Константинополя, а ее Церковь веком ранее принимала участие в крещении болгар¹⁹. Зато роль византийского Херсона в складывании славянской письменности оказалась ученым явно преувеличенной²⁰.

Тематически и хронологически к данным публикациям примыкала статья „Как выражалось отношение Константинопольской церкви к окрестным северным народам, преимущественно к болгарам в начале X ст.“. Однако ее

географический охват был заметно шире. Общая концепция В. И. Григоровича оставалась при этом прежней: новые тенденции в отношениях Византии со славянами и их соседями он связывал с позицией Константинопольского патриархата, подчас придавая ему черты некоторой не вполне реальной автономности от намерений самого правительства империи²¹. Безусловно, нельзя отрицать противоречий между византийским двором и Церковью. Однако в трактовках В. И. Григоровича эти противоречия представляются в ряде случаев откровенно преувеличенными. Высоко оценивая деятельность Восточной церкви, ученый остро критиковал светскую власть. „Византия, коснея в своих притязаниях на всемирное владычество, более и более упускала из виду необходимые гражданские преобразования, – указывал он. – Таким образом, корыстолюбие и затаенная зависть были мерилом внешней политики там, где жизнь свободы цепенела пред мертвящим формализмом общества“²². Тем самым В. И. Григорович, по сути, повторил во многом устаревшие в то время гиббоновские трактовки о нежизнеспособности Византийского государства. Такому государству ученый склонен был противопоставлять не только славян, но и саму Византийскую церковь. „В непримиримых бытовых противоположностях, – указывал он, – церковь Константинопольская, искони ведомаая силой убеждения, без материальных средств, чуждая политических расчетов, являла всегда мужей, которые глубже проникали в смысл происходящего, дальновиднее прозревали в будущее.“²³ К числу таковых В. И. Григорович относил патриархов Фотия и Николая Мистика. Четыре опубликованных В. И. Григоровичем послания Николая Мистика к болгарскому князю Симеону должны были служить доказательством того, что „Церковь Константинопольская отделялась от мирской политики“²⁴.

Еще более веские доказательства этого ученый искал в деятельности патриарха Фотия. В речи „Несколько слов, сказанных по поводу празднования тысячелетия со времени кончины Св. Кирилла“ В. И. Григорович именно Фотию, а не солунским братьям отвел, по сути, центральную роль в истории Восточной церкви IX в. В трактовке одесского историка, деятельность миссионеров православия осуществлялась хотя и „с согласия греческого императора Михаила“, но „по внушению Фотия“²⁵. Стратегические мотивы миссии, ее связь с набегом росов в 860 г. и активизации поисков союзников в лице хазар не были учтены. В самом распространении влияния Византии на соседние народы В. И. Григорович усматривал, прежде всего, „протест православной церкви против бесконтрольного властолюбия папства“²⁶. Тем самым на первый план ученым ошибочно выдвигались религиозные, а не политические цели Византии.

Главным образом церковным византийско-славянским отношениям IX в. была посвящена и юбилейная речь В. И. Григоровича „На память о Борисе-Михаиле, праотце славянского просвещения“ (1870). „Известно, что достопамятное обращение в христианство болгар сопровождалось распреею Рима и Византии“, – указывал ученый²⁷. В окончательном решении Бориса, колебавшегося между греками и латинянами, В. И. Григорович традиционно главную роль отводил Константинопольскому патриарху Фотию, анализ известного послания которого к Борису был представлен в данной речи.

К анализу византийских источников В. И. Григорович обратился и в своем университетском курсе „Славянские древности“. Сохранилось посмертное варшавское издание этого курса, в заглавие которого вкралась досадная ошибка: „Лекции проф. В. И. Григоровича, читанные в Новороссийском университете в 1877/78 г.“ (*курсив наш* – С. Л., С. С.). Напомним, что учёный скончался ещё в 1876 г. Однако, несмотря на отмеченную ошибку, в указанном издании характеристике источников посвящено около трети всего объема и значительное внимание уделено данным о славянах в византийских трудах Прокопия Кесарийского, Менандра, Иоанна Малалы, Маврикия (Псевдомаврикия), Феофилакта Симокатты, Константина Багрянородного, Григория Амартола, Иоанна Зонары. Так, полагая, что „...важнейшим источником для X ст. служат сочинения императора Константина Багрянородного“, ученый на основании данных из них делал интересные заключения о системе управления и законодательстве южных славян²⁸. С точки зрения современной науки некоторые положения курса нуждаются в уточнении; в структурном плане также наблюдается очевидный перекося в пользу материала о южных, а не западных славянах, однако указанная особенность позволяет лучше оценить данные византийских авторов.

Изучение В. И. Григоровичем различных аспектов византийско-славянских отношений, несомненно, способствовало зарождению византистики в Одесском университете. Можно целиком согласиться с мнением А. Кирпичникова о том, что учёный оставил после себя в Одессе не только нескольких учеников²⁹, но и „целую школу славистов, историков и археологов“³⁰. Несмотря на преувеличение историком роли ромейского Херсона и Константинопольского патриархата как автономной политической силы в Византии, большинство его трактовок сохранили свою научную ценность до настоящего времени, а владение материалом источников может считаться образцовым.

Автор первого юбилейного сборника „Двадцатипятилетие Новороссийского императорского университета“ А. И. Маркевич склонен был полагать, что В. Г. Григорович „представлял, может быть, самую крупную личность в Новороссийском университете“ в этот четвертьвековой период³¹. Применимо к одесской византистике, эту оценку можно считать завышенной в связи с тем, что уже в 1874 г. в Одесский университет переходит выпускник Санкт-Петербургского университета, крупнейший византист Фёдор Иванович Успенский (1845–1928). Будучи приверженцем передовой на то время позитивистской методологии, Ф. И. Успенский стал человеком-эпохой не только в одесской, но и в общероссийской медиевистике. Не случайно расцвет византиноведения в Российской империи вполне обоснованно связывают с именами В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского³². Тем, чем был В. Г. Васильевский для столицы империи, тем стал с середины 1870-ых годов Ф. И. Успенский для её украинских земель вообще, Одессы в частности. Это было связано прежде всего с тем, что к тому времени Ф. И. Успенский являлся вполне сложившимся византинистом. Он успел приобрести и опыт, и известность, подготовив и защитив в петербургский период своей научной деятельности магистерскую диссертацию „Византийский писатель Никита Акоминат из Хон“ (1874).

В самой Одессе в течение уже более трёх десятков лет действовало Одесское общество истории и древностей, члены которого занимались изучением краеведческой тематики, в том числе частично византийской эпохи, а в 1876–1886 гг. курировали довольно активно, хотя и бессистемно, самостоятельные раскопки византийского Херсона в Крыму³³. Однако ни в качественном, ни в количественном отношении эти работы не смогли превзойти достижений Ф. И. Успенского в одесский период его научно-педагогической деятельности.

Через всё своё творчество Ф. И. Успенский пронёс убеждение о том, что греко-славянский мир „заслуживает, по меньшей мере, столь же усердного изучения, как и романо-германский мир“³⁴. По его мнению, „Византия была доброй матерью нашей цивилизации“. Сформулированные во вводной лекции, эти концептуальные положения будут развиты им и в конкретно-исторических трудах. „Нельзя уже более приписывать византийской истории не принадлежащих ей качеств и придумывать для неё особенные формулы векового застоя или неукротимого стремления к падению, – подчёркивал Ф. И. Успенский. – Своеобразие средневековой греческой истории не исключает аналогий и сближений с соответствующими периодами средневековой европейской истории.“³⁵ С этой точки зрения он критиковал многих западноевропейских учёных за однобокое освещение истории средних веков. Так, признавая, что „нет другого университета, который бы сравнился с Берлинским по количеству и качеству учёных сил“, Ф. И. Успенский в своём заграничном „Отчёте о занятиях“ откровенно указывал на слабые места курса лекций по истории средних веков прославленного Г. Зибеля: немецкий национализм, игнорирование источников и внутренней истории, пренебрежительное отношение к славянам и Византии³⁶.

В своей научной деятельности Ф. И. Успенский действовал с прямо противоположных позиций: подчёркивая огромное значение византийско-славянского мира, одесский учёный скупулёзно изучал источники и рассматривал, главным образом, проблемы внутренней истории. Особенностью исследовательской работы Ф. И. Успенского были неоднократные возвращения к уже рассмотренной тематике и новые публикации, посвящённые ей на основе данных только что открытых источников.

Так, после защиты в Петербурге магистерской диссертации о Никите Хониате, которого по сложившейся традиции неверно именовал Акоминатом, Ф. И. Успенский рассматривал источниковедческий аспект данной проблемы и в дальнейшем. Он оперативно реагировал на разночтения и небрежности в зарубежных изданиях греческих авторов и критиковал „Боннское издание византийцев, которым обыкновенно пользуются все учёные“, за не всегда последовательно воспроизведённый пространственный текст „Истории“ Никиты³⁷. Изданием, в котором вопрос о разночтениях „достаточно разъяснён“, он считал парижский „Сборник источников крестовых походов (Греческие источники)“ 1875 г.³⁸ В то же время, хотя Ф. И. Успенский и считал „украшением издания“ опубликованные в нём тексты Анны Комнин и Никиты Хониата, он подверг справедливой критике ряд комментариев, в частности комментарий о плагиаторстве Никиты³⁹.

Учёный не только впервые классифицировал тексты „Истории“ Никиты Хониата по трём группам, но и составил подробное описание рукописей Никиты, обнаруженные им в Парижской национальной библиотеке. Это описание можно считать образцовым, поскольку оно сопровождалось многочисленными выверенными цитатами и тщательным текстологическим анализом. Среди восьми описанных Ф. И. Успенским позиций наиболее значительный интерес может представлять „Codex graecus № 1234“, поскольку это сочинение Никиты с изложением церковных событий XII в., по собственному признанию одесского учёного, „не было ещё опубликовано во всём своём объёме“⁴⁴.

В своих источниковедческих исследованиях Ф. И. Успенский обращался и к творческому наследию родного брата Никиты, Михаила Хониата⁴¹. Значение трудов Михаила одесский учёный верно усматривал прежде всего в том, что из них „можно извлекать богатые детали имён и вещей для биографии, географии, финансового хозяйства, администрации и аграрных отношений Византии“⁴². Однако из 200 различных сочинений Михаила (писем, речей, похвальных слов) Ф. И. Успенский в своей публикации „Неизданные речи и письма Михаила Акомината“ успел рассмотреть всего пять его неизданных работ: Приветственное слово к афинской пастве, Речь к претору Никифору Просуху, Речь к претору Дмитрию Дрими, Речь к шурина императора и логофету Василию Каматиру, Речь к великому дуке Стрифну. При этом сама публикация осталась неоконченной. Это существенно снижало её научное значение. Однако и на примере всего пяти работ Михаила Ф. И. Успенский сумел определить основную их направленность. Например, анализируя представленную в Речи к Дмитрию Дрими картину бедственного положения Афин, одесский учёный подчеркнул, что „это самый благодарный мотив с разнообразными изменениями, повторяющийся почти во всех произведениях Михаила Акомината“⁴³.

Позднее, уже в новой публикации, написанной в связи с появлением в печати сборника речей и писем Михаила Акомината в издании афинского профессора С. Лампроса, Ф. И. Успенский дополнит свои предыдущие рассуждения о значении самого Михаила Акомината и его эпистолярного наследия. „Михаил Акоминат был не только церковный в обширном смысле слова, но и политический писатель, — подчёркивал одесский историк. — Рядом с сочинениями, рисующими положение Афин и строй византийской администрации, есть много и таких, которые относятся к политической истории и должны быть рассматриваемы как неисследованный ещё источник для истории Византии от смерти Мануила до второго десятилетия XIII в.“⁴⁴ Тем самым один из наиболее драматических периодов византийской истории, непосредственно предшествующий и следующий за эпохальным событием — захватом крестоносцами Константинополя в 1204 г., — получил в работах Михаила Хониата вполне объективное (в трактовке Ф. И. Успенского — „реальное“) отражение, способное объяснить загадку стремительного заката Комниновской эпохи.

Сочинения Михаила и Никиты Хониата были использованы Ф. И. Успенским для написания очерка „Цари Алексей II и Андроник Комнины (1180—1185)“. Как и одна из предыдущих публикаций, очерк остался неоконченным,

однако в той его части, которая увидела свет, Михаил Хониат, наряду с его братом Никитой, Михаилом Пселлом, Феодором Продромом и другими, причислялся Ф. И. Успенским к „одной литературной школе и одной политической партии“⁴⁴⁵. Эта партия „народного, т.е. греческого представительства“ противопоставлялась учёным партии византийцев-западников, олицетворением которой являлся василевс Мануил I.

Ф. И. Успенский представил весьма подробную характеристику внутренней и внешней политике Мануила, считая её ошибочной и провальной, – точка зрения, которую не разделяли некоторые византийские историки (Иоанн Киннам) и отдельные современные исследователи, видящие в правлении Мануила „последний расцвет“, после которого начался упадок Империи⁴⁴⁶. Тем не менее учёному удалось объективно показать как рост налогов, передача должностей на откуп и полный произвол администрации, приводивший к „постепенному падению и разрушению“⁴⁴⁷, сочетался с изменением не в пользу Византии международной обстановки⁴⁴⁸. При этом основную угрозу Ромейской империи Ф. И. Успенский усматривал не столько в усилении турок-сельджуков в Малой Азии, сколько в сплочении Запада на Венецианском конгрессе 1177 г. „Византия, – подчёркивал учёный, – оставалась в стороне во время этих переговоров, наносивших последний и решительный удар её притязаниям в Италии и соединивших против неё всех её врагов.“⁴⁴⁹ Этот знаменательный конгресс Ф. И. Успенский считал прологом событий, приведших в конечном итоге к завоеванию латинянами Константинополя в 1204 г.

Одесский историк не склонен был оправдывать меры, к которым прибегал искушённый в интригах честолюбец Андроник после смерти Мануила. Признавая, что идея обладания Константинополем возникла у западных политиков уже во время первого крестового похода, он, в то же время, придавал огромное значение организованному антизападниками погрому латинян в византийской столице в 1182 г. „Событиями 1182 г., – считал учёный, – ...если не посеяно, то полито зерно фанатической вражды запада к востоку.“⁴⁵⁰ То, что данное событие резко осложнило международное положение Ромейской империи, будет признаваться в византинистике и впоследствии⁴⁵¹. В то же время незаконченность очерка существенно затрудняет объективную оценку некоторых предложенных автором трактовок. Остаётся „за кадром“ заявленное в заглавии правление Алексея II. Однако в целом по результатам опубликованных материалов можно сделать вывод о том, что активность национальной греческой партии, поддерживавшей притязания Андроника на регентство и власть, Ф. И. Успенский считал одинаково закономерным следствием и провального правления „западника“ Мануила, и ростом опасности Византии со стороны латинян. Исследователь не заметил лишь то, что в новых условиях василевс не мог не стать „западником“.

Одно из центральных мест в византиноведческих трудах Ф. И. Успенского занимало изучение аграрных отношений и положения крестьянства. Хотя по своей тематике эти труды примыкали к известным работам В. Г. Васильевского⁴⁵², тем не менее они значительно углубляли и корректировали некоторые ключевые выводы знаменитого петербургского византиниста. За вре-

своей научно-педагогической деятельности в Одессе Ф. И. Успенский рассмотрел проблему аграрных отношений в целом ряде очерков и статей. В рассматриваемый период (до середины 1880-ых г.) он подготовил четыре публикации о крестьянском землевладении, византийских писцовых книгах, сущности и значении византийской и славянской протекции.

Наиболее значительной из этих работ следует считать очерк „К истории крестьянского землевладения в Византии“ (1883). С источниковедческой точки зрения очерк стал продолжением изучения Ф. И. Успенским столь ценимых им работ Михаила Хониата, поскольку именно на этих материалах одесский учёный основывал свои ключевые выводы. „В наших глазах особенную цену приобретает та часть писем Михаила Акомината, – указывал Ф. И. Успенский, или, правильнее, те места в его сочинениях, по которым можно следить за состоянием свободного крестьянства и в конце XII в.“⁵³ Учёный представил перевод тринадцати писем Михаила Хониата, в том числе одно ранее исследованное им письмо великому дукe Стрифну, а также хорошо известной в византинистике докладной записке императору Алексею Комнину. Данный материал неопровержимо свидетельствовал о сохранении в конце XII в. свободной общины, составлявшей основу крестьянского землевладения в Византии, хотя тенденция ее превращения в несвободную стала необратимой. Отметим ещё одну существенную черту оригинальных выводов, к которым пришёл Ф. И. Успенский. Если его предшественники (Миклошич, Мюллер, Флоринский и др.) изучали главным образом церковное землевладение в Византии, то привлечённые одесским учёным материалы Михаила Хониата представляли ценность для истории светского землевладения. „По всей справедливости им принадлежит первое место после знаменитых новелл X в., излагающих борьбу законодательства с крупной собственностью и насильственным захватом властителями мелких земельных участков, – считал Ф. И. Успенский. – Михаил Акоминат раскрывает перед нами историю этой борьбы в XII в. и даёт ключ к уразумению смысла той же борьбы в последующее время. Он первый своими известиями позволяет в настоящее время поставить вопрос о связи социальных реформ и социальных движений в Византии с вопросом о значении славянского элемента в империи.“⁵⁴

Признание одесским историком данной связи выводило его на новый уровень концептуализации темы. Длительность сохранения в Византии свободной общины и присутствие в ней значительного славянского элемента стали альфой и омегой обобщающих выводов исследователя. „Славянская община и свободное крестьянское землевладение, обеспеченное законодательством X в., продолжает жить в Византии в XII, XIII и XIV в., – подчёркивал Ф. И. Успенский. – Славянская община пала тогда, когда правительство окончательно лишило её обычных гарантий, коренящихся в отношениях VII–VIII в., но ослабление общины идёт параллельно с ослаблением самой Ромейской империи.“⁵⁵ Эти выводы полностью опровергали мнение тогдашнего корифея европейской византистики К. Цахариэ фон Лингенталя, считавшего, что класс свободных землевладельцев в Византии, как и сама община, были полностью поглощены крупным землевладением уже в XI в.⁵⁶

Однако ряд выводов, к которым пришёл Ф. И. Успенский, вызвал дискуссию и в современной ему российской историографии. Так, известный историк Д. И. Иловайский подверг критике одно из ключевых утверждений Ф. И. Успенского о том, что термин „друнга“, найденный им в докладе Михаила Хониата, раскрывающем тяжёлое положение малоземельных крестьян, следует переводить славянскими словами „община“, „жупа“, „задруга“⁵⁷. „Нам кажется, что он не совсем прав, ибо под друнгом может разумеаться всё-таки отряд войска, только связанный с его земельным наделом“, – предостерегал Д. И. Иловайский⁵⁸. Впрочем, современная историография также не выработала единого мнения по вопросу о масштабах свободного землевладения в Византии. Так, О. Р. Бородин считал, что в некоторых регионах Империи мелкие крестьянские собственники составляли меньшинство даже в VI–VIII в.⁵⁹ В свою очередь, Г. Г. Литаврин признавал, что в XI в. свободное крестьянство еще численно преобладало над частнозависимым и государственным⁶⁰ и, таким образом, во многом разделял точку зрения Ф. И. Успенского. Как теперь становится ясно, элементы свободы и зависимости, „присельничества“ были очень тесно переплетены в системе землепользования крестьянской цивилизации Византии, византийских общественных отношений в целом и медленно эволюционировали от эпохи к эпохе⁶¹. Фундаментальность выводам одесского учёного придало одно из его ключевых высказываний: „Господствующая в науке теория о падении крестьянской общины и мелкого свободного землевладения к XI в. зиждется на недоразумении и недостаточном изучении памятников XII, XIII и XIV в., именно забыт был термин эпик, обозначающий колониста и свободного крестьянина-общинника“⁶².

Ослабление и последующее падение свободной крестьянской общины Ф. И. Успенский верно связывал с другим характерным процессом, составляющим одну из отличительных особенностей аграрного развития Византии, – с развитием института пронии. Характеристику пронии, время её возникновения, процесс её эволюции и ряд других вопросов, в основном сохраняющих свою научную актуальность вплоть до сегодняшнего дня, учёный представил в статье „Значение византийской и южнославянской пронии“ (1883). По определению Ф. И. Успенского, до сих пор остающегося классическим, прония представляла собой „пожалование служилым людям населенных земель и других приносящих доход угодий в награду за оказанную услугу и под условием исполнения определенной службы с пожалования“⁶³. Столь ёмкое определение по сути созвучно с тем определением, которое впоследствии даст пронии хорошо известный её исследователь, югославский учёный Г. Острогорский⁶⁴, а также ряд ведущих советских и российских византинистов⁶⁵. Таким образом, отмеченный Ф. И. Успенским условный, временный характер прав пронии (управления и владения) и подчеркнутые им общие черты, сближавшие пронию с западноевропейским бенефицием⁶⁶, следует считать абсолютно доказанными. Уточнения последующих исследователей, в том числе о том, что в юридическом отношении прония не иммунитет⁶⁷, едва ли добавили здесь что-либо новое.

Этимологические разыскания позволили учёному доказать, что „прония“ – не славянское слово. „Специальное значение, – указывал он, – прония при-

обращает при посредстве не всегда соединяемого, но всегда подразумеваемого слова дар или пожалование (*dorea*), являясь, таким образом, даром с определённым условием, для определённой цели – *dorea chata logon pronoiias*.⁶⁸ Но если данное доказательство не может вызвать возражений, по крайней мере по сути, то предпринятая Ф. И. Успенским попытка датировки процесса возникновения пронии не привела к однозначным трактовкам в византинистике. Даже сам учёный склонен был считать, что в привлечённых им источниках (Морейская хроника, Пира и др.) „дата обнаружения слова не может совпадать с датой обнаружения в жизни тех отношений, которые подразумеваются под этим словом“, а употребление термина *pronoia* в этих документах представляется „не в общем и не в конкретном, а в среднем и переходном значении“⁶⁹. Тем не менее, сам термин *pronoia* одесский историк находит на страницах источников уже X в. Аграрные отношения, основанные на пронии и зависимости крестьянства, получили, по его мнению, окончательное распространение в годы правления императора Мануила Комнина (40–70-ые г. XII в.), а в XIV в. прония распространяется и в славянских землях, в частности в Сербском царстве⁷⁰.

Отметим, что вопрос о времени возникновения пронии до сих пор остаётся одним из наиболее дискуссионных в литературе по данной проблеме. Так, если Г. Г. Литаврин полагал, что пронии „уже в XI в. распространились на свободных налогоплательщиков“⁷¹, то, например, А. П. Каждан считал, что только с XIII в. прослеживаются характерные черты пронии как сложившегося социально-экономического института⁷². При этом не все позднейшие византинисты считали пронию формой землевладения; некоторые трактовали её как пожалование налога, то есть фискальных прав, которые раньше принадлежали государству⁷³.

Определённую ценность представляло и решение Ф. И. Успенским вопроса о том, за счёт каких категорий крестьянского населения происходило пожалование земель в пронию. Установленный им факт оформления в дар земель не только с зависимыми париками, но и со свободными крестьянами-общинниками⁷⁴ верно раскрывал особенности социальной политики византийского двора, хотя и несколько противоречил им же отмеченной заинтересованности правительства в сохранении крестьянской общины. В контексте этой политики особое значение представляет ещё одно ценное наблюдение, сделанное одесским историком. Имеется в виду процесс постепенной эволюции пронии. Ф. И. Успенский считал, что в эпоху поздней Византии (XIV–XV вв.) прония стала превращаться из условного, личного и временного пожалования неких прав в наследственную собственность – вотчину. На неуклонное возрастание в XIV–XV в. значения вотчины указывала и К. В. Хвостова⁷⁵, однако в своём фундаментальном исследовании она отмечала аналогичный процесс возрастания значения и самой пронии, причисленной ею наряду с вотчиной к „новым формам землевладения“. Хотя вопрос о сущности пронии и её значении и не получил исчерпывающего разрешения в историографии последних десятилетий⁷⁶, тем не менее огромный вклад Ф. И. Успенского в существенное прояснение этой проблемы целиком очевиден.

Важное значение для византистики имело и обращение Ф. И. Успенского к изучению византийских писцовых книг. Данная тематика нашла отражение в его очерке „Материалы для истории землевладения в XIV в.“ (1883) и обширной, по сути монографической публикации „Следы писцовых книг в Византии“ (1884–1885). При этом некоторые данные первой из означенных статей, прежде всего данные Хиландарского практика, были использованы автором во второй.

В этих писцовых книгах, по верному замечанию учёного, содержалась поземельная и имущественная перепись. Автор стремился выработать универсальную формулировку для обозначения этого вида источников. Среди различных терминов для обозначения писцовых книг Ф. И. Успенский решающее значение признавал за „практиком“. С XII в., отмечал он, „...за писцовой книгой в Византии по преимуществу удерживается название практика, и с этим значением практик является как в собственно греческих памятниках, так и в латинских (венецианских) и славянских“⁷⁷. Следует подчеркнуть, что данное определение практика будет активно использоваться в византистике и в дальнейшем⁷⁸.

В своей публикации одесский учёный издал Хиландарский практик и Межевую опись владений Тетовского монастыря. В Хиландарском практике, по его мнению, сохранился „тип византийско-славянской писцовой книги, чем и определяется научное значение этого документа“⁷⁹. Но хотя сам автор отмечал, что в практике представлена лишь небольшая часть населённых мест, пожалованных Хиландарскому монастырю на Афоне, тем не менее, на основе его данных удалось получить точные процентные расчёты категорий крестьянского населения в указанных сёлах и степень их благосостояния⁸⁰.

Другая, более обширная публикация учёного – „Следы писцовых книг в Византии“, представляла собой исторический очерк писцовых книг от времён Римской империи. „Поземельная подать, которой писцовые книги обязаны своим происхождением, получила общее применение уже в императорскую эпоху“, – указывал он⁸¹. Ф. И. Успенский провёл важный сравнительный анализ византийских и западноевропейских писцовых книг, среди которых вполне типичными считал полиптики, урбарии, счётные книги. „Содержа в себе весьма важный материал к разрешению широких культурно-исторических задач, – указывал учёный, – писцовые книги, при всей сухости и формальных сходствах и шаблонности, отражают на себе исторические эпохи“⁸². Саму же задачу изучения писцовых книг исследователь усматривал, прежде всего, в разъяснении смены терминов и в анализе выражаемых ими понятий. К числу таких терминов он относил малоизученные в науке *зевгарат* и *воидат*, стремясь решить вопрос о различиях между ними. Сложности источниковедческого характера, стоявшие перед Ф. И. Успенским в данном случае, более чем очевидны. „...Кроме Лампсакского документа, о воидате до сих пор имеется одно только прямое свидетельство в актах Миклошича“, – признавался автор⁸³. Тем не менее, при всех отмеченных трудностях, одесский историк всё же попытался выяснить причины этого явления. „Появление воидатной земли объясняется экономическими потребностями Византийского государства, стре-

мившегося utilizировать обширные, незанятые земли“, – считал он, указывая при этом на славянство зависимого от прониара воидата⁸⁴.

Большей неопределённостью отличались его рассуждения о сущности зевгарата. Традиционное представление о том, что под зевгаром следует понимать пару волов, Ф. И. Успенский дополнил новыми фактами. „Выражение зевгарь с производными от него словами употребляется в пяти значениях, – выяснил он, – пара волов, участок земли, крестьянский двор в обширном смысле слова, земельная подать и, наконец, пахотная земля“⁸⁵. До сих пор никто из византинистов не смог что-либо добавить или убавить в этом определении. Однако мнение Ф. И. Успенского о том, что и зевгарат, и воидат являются формой организации землевладения, видами земельных участков и при этом „воидат не может относиться к зевгарю как часть к целому“⁸⁶, всё же нуждается в более доказательной базе. Недостаточно репрезентативная, она не позволила установить, что воидат скрывал за собой податную категорию поздневизантийских крестьян, имевших участок земли размерами 50–100 модиев, который можно было обработать с помощью одного вола⁸⁷.

Сам автор неоднократно по ходу своего труда оставлял замечания, которые едва ли можно понимать превратно. „Организация и судьбы воидата в империи, конечно, не могут быть вполне поняты на основании отрывков из писцовых книг“, – признавался он⁸⁸. А между тем именно писцовые книги он считал важнейшим источником для характеристики поземельных отношений. В другом месте, уже о зевгарате, учёный писал с ничуть не меньшим скепсисом: „Пока ещё мы не можем указать такую писцовую книгу, в которой было бы прямо обозначено, сколько модиев земли имело крестьянское хозяйство, записанное зевгаратным“⁸⁹. Лишь впоследствии в византинистике будет установлена эта количественная составляющая. Например, по мнению К. В. Хвостовой, византийский зевгарь равнялся 100 модиям⁹⁰. Впрочем, эта величина зависела от местности и качества земли, посему могла колебаться от 80 до 270 модиев, то есть составлять около 8–24 га⁹¹.

Наряду с источниковедением и социально-экономической историей Византии, в одесский период своей научно-педагогической деятельности Ф. И. Успенский обращался и к проблеме международных отношений на Балканах. В центр этих отношений он, разумеется, ставил Византию⁹². Данная тенденция особенно проявилась в главном исследовании Ф. И. Успенского – докторской диссертации „Образование Второго Болгарского царства“ (1879). До него к отдельным аспектам данной проблемы уже обращались отечественные исследователи, в частности В. В. Макушев, очерк которого „Болгария в конце XII и первой половине XIII в.“ являлся, впрочем, конспектом его университетских лекций.

В отличие от предшественников, византинист Ф. И. Успенский не стал начинать свою работу с изображения восстания Петра и Асеня, приведшего к восстановлению болгарской независимости. Вся первая глава диссертации была посвящена внутреннему положению Болгарии под византийским владычеством. Это положение автор показал прежде всего на основе анализа сочинений Феофилакта Болгарского и Евстафия Солунского. Подобный под-

ход был абсолютно оправдан. Что же касается общего значения письменного наследия, ставшего основой источниковой базы Ф. И. Успенского, то, по его собственному замечанию, „...письма Феофилакта дают случай взглянуть на гражданскую и церковную администрацию Болгарии“, а Евстафий Солунский для внутренней истории как Византии, так и её болгарских земель XII в. „...представляет собой неисчерпанный ещё источник“⁹³. Однако, признавая вполне удачную структуру, при которой описанию восстания болгар предшествовал очерк их положения в составе Византии, правомерно поставить вопрос: насколько оправдано было посвящать этому одну из двух (sic!) глав диссертации? Подобный подход можно объяснить лишь особенностью византиноведческой направленности творчества Ф. И. Успенского.

Византийским владычеством в Болгарии, то есть всей первой главой докторской диссертации, не ограничивалось описание одесским историком всего комплекса сложных византийско-болгарских отношений. Анализ этих отношений был представлен и во второй главе. Описание Ф. И. Успенским антивизантийского восстания Петра и Асеня в 1185 г., с которого и началась борьба за восстановление болгарской государственности, не может не привлечь внимания византинистов с точки зрения трактовки его причин. „Непосредственные обстоятельства как вызвавшие, так и поддерживавшие болгарское движение, кроются в общем строе империи того времени и в перемене династий“⁹⁴, – подчёркивал автор. Тем самым Ф. И. Успенский отверг распространённый тезис о том, что выступление было спровоцировано византийско-венгерским брачным союзом и ростом налогов на свадебные торжества. По мнению учёного, волнения в Болгарии предшествовали заключению династического брака, а не стали результатом такового⁹⁵. Отметим однако, что в вопросе о времени выступления Петра и Асеня сохраняется традиция, заданная ещё К. Иречком, который считал, что венгерско-византийский союз „был непосредственной причиной нового болгарского восстания“⁹⁶. На этой же точке зрения стоит и Г. Г. Литаврин, полагающий, что слой лиц, подвергшийся византийскому свадебному побору в Болгарии, „был гораздо более широким, чем это принято считать“, в связи с чем восстание началось не в одном, а сразу в нескольких местах⁹⁷.

При объяснении причин успеха болгарского восстания Ф. И. Успенский указывал и на субъективный фактор, в частности, на бездарность византийского императора Исаака Ангела, который „целым рядом своих ошибок и неблагоприятных мероприятий способствовал развитию славянского движения“⁹⁸. Однако освобождение болгар от византийского владычества автор считал абсолютно закономерным.

Исследование Ф. И. Успенского вовсе не сводилось к одному лишь описанию героических страниц болгарского патриотизма, что, возможно, и было бы отчасти оправдано политической конъюнктурой 1879 г. Учёный сумел показать ожесточённую борьбу в болгарском руководстве, приведшую к гибели руководителей национального восстания; космополитизм значительной части болгарского боярства, не всегда желавшего воевать с ромеями; усилия болгар, предпринятые для церковной унии с Римом и военного союза с крес-

тоносами против Византии; значение позиции Болгарии в разгроме Византийской империи в 1204 г. Таким образом, хотя докторская диссертация Ф. И. Успенского и была посвящена истории образования Второго Болгарского царства, она представляет по сути одинаковую ценность как для болгаристики, так и для византистики.

Сочинение Ф. И. Успенского, несмотря на ряд его противоречий и недочётов, критика оценила в целом довольно высоко⁹⁹. Оно было представлено к награждению престижной Уваровской премией. Эту высокую оценку современников следует считать вполне заслуженной в свете исследований Ф. И. Успенским различных сторон как внешней, так и внутренней истории Византии, во многом актуальных и в наши дни.

Научно-педагогическая деятельность Ф. И. Успенского в Одессе оставила заметный след не только в университете, но и в Одесском обществе истории и древностей¹⁰⁰. Здесь же в рассматриваемый период проходила активнейшая деятельность выдающегося исследователя византийского искусства Н. П. Кондакова (1844–1925). К примеру, Г. Л. Курбатов назвал „переворотом в науке“¹⁰¹ появившуюся в 1876 г. монографию Н. П. Кондакова „История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей“¹⁰². Огромное значение данной работы, как и увидевшего свет в 1881 г. исследования „Мозаики Мечети Кахриз-Джами в Константинополе“, несомненны в той же мере, в которой несомненна и искусствоведческая, а не конкретно-историческая направленность этих трудов. Рамки же настоящей статьи ограничены изучением научного наследия историков Византийской империи, и с этой точки зрения мы позволили себе лишь указать общее направление научных интересов прославленного Н. П. Кондакова, не углубляясь в их профессиональный анализ, более уместный в работах искусствоведческого содержания.

Ф. И. Успенский и Н. П. Кондаков стали в Одессе непререкаемыми авторитетами от византистики. Однако научная объективность требует указать ещё одного известного учёного, часть научного наследия которого также имеет отношение к византистике. Речь идёт о профессоре Новороссийского университета, активнейшем члене ООИД, а с 1883 г. его вице-президенте В. Н. Юргевиче (1818–1898). Специалист в области античной археологии, он внёс также большой вклад в изучение эпиграфики, нумизматики и истории генуэзских поселений в Крыму¹⁰³. Наряду с этими направлениями своей научной деятельности, В. Н. Юргевич как в рассматриваемый период, так и позднее занимался некоторыми проблемами сфрагистики – определением византийских печатей, в том числе из раскопок Херсонеса (Херсона), полученных в ходе археологических работ ООИД. Однако в данной работе В. Н. Юргевич, к сожалению, допускал известные неточности, вполне, впрочем, простительные с точки зрения состояния науки того времени¹⁰⁴.

Таким образом, представленная история зарождения и становления византистики в Новороссийском университете в первое двадцатилетие его существования позволяет утверждать, что этот университет с полным правом может считаться одним из главных центров византистики как в Российской

империи в целом, так и в её украинских землях в частности. Научные работы, подготовленные здесь в рассматриваемый период, отражали все периоды и все ключевые проблемы византийской истории: социально-экономические, внутривизантийские, внешнеполитические, конфессиональные, а также развитие культуры и искусства. При этом высокий уровень разработки социально-экономических и культурологических проблем выгодно отличал Новороссийский университет от других византиноведческих центров украинских земель и значительно превосходил уровень региональных исследований предшествующих десятилетий. В персональном плане наибольший вклад в изучение истории Византии внесли В. И. Григорович, Ф. И. Успенский, Н. П. Кондаков. Их исследования существенно обогатили не только отечественную, но и мировую византистику и во многом сохраняют свою актуальность по сей день. С рядом оговорок мы имеем все основания утверждать, что, с учётом особенностей той эпохи, Новороссийский университет может считаться единственным высшим учебным заведением украинских земель Российской империи, в котором удалось создать светскую византиноведческую школу. Перспективным направлением дальнейших исследований по данной тематике может стать сравнительный анализ достижений византинистов Новороссийского и других университетов Украины по ряду ключевых проблем.

¹ Бузескул, В. П. Общий очерк научной деятельности Ф. И. Успенского. – В: Памяти академика Ф. И. Успенского. Ленинград, 1929, 25–52.

² Горянов, Б. Т. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении. – В: ВВ. Т. 1. 1947, 29–108; Готалов-Готлиб, А. Г. Ф. И. Успенский как профессор и научный руководитель. – В: ВВ. Т. 1. 1947, 114–126.

³ Курбатов, Г. Л. История Византии (Историография). Л., 1975, 111–114, с. 116.

⁴ Лиман, С. И. Медієвістика в Україні в кінці XIX – на початку XX ст. (1880–1917). Дис. канд. іст. наук. Х., 1993, 126–129.

⁵ Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979, 338–339.

⁶ Лиман, С. И. История Второго Болгарского царства в трудах исследователей Украины (1835–1885). – В: Дриновський збірник. Т. 1. Х.–С., 2007, 99–101.

⁷ Лиман, С. И., С. Б. Сорочан. Виктор Иванович Григорович как византист: Херсонско-Одесский период его научно-педагогической деятельности (1864–1876). (В печати.)

⁸ Лиман, С. И. История средневекового крестьянства и аграрных отношений в трудах медиевистов украинских земель Российской империи в 1805–1880-ых г. – В: Россия и Украина: вместе или врозь? М., 2006, 7–9.

⁹ Професори Одеського університету. Друге видання. Одеса, 2005, т. 2, с. 352; т. 3, 99–100; т. 4, 302–303.

¹⁰ Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь..., с. 131, 133.

¹¹ Попруженко, М. Г. Виктор Иванович Григорович в Одессе. – В: Собр. соч. В. И. Григоровича. Одесса, 1916, с. I.

¹² Там же, с. II.

- ¹³ Григорович, В. И. Исторические наметки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X вв. – В: Собр. соч. В. И. Григоровича. Одесса, 1916, с. 2.
- ¹⁴ Сорочан, С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры. Ч. 1. Х., 2005, 582–679.
- ¹⁵ Григорович, В. И. Указ. соч., с. 4.
- ¹⁶ Сорочан, С. Б. Указ. соч., ч. 2, 1480–1494.
- ¹⁷ Попруженко, М. Г. Указ. соч., с. V.
- ¹⁸ Григорович, В. И. Заметки о Солуни и Корсуне по поводу непорешенного вопроса. – В: Собр. соч. В. И. Григоровича. Одесса, 1916, с. 248, 254.
- ¹⁹ Там же, 245–246.
- ²⁰ Ср.: Сорочан, С. Б. Указ. соч., ч. 2, 1096–1115, с. 1414, коммент. с. 851.
- ²¹ Григорович, В. И. Как выражались отношения Константинопольской церкви к окрестным северным народам и преимущественно к болгарам в начале X в. – В: Собр. соч. В. И. Григоровича. Одесса, 1916, с. 16.
- ²² Там же, с. 24, 29.
- ²³ Там же, с. 38.
- ²⁴ Там же, с. 39.
- ²⁵ Григорович, В. И. Несколько слов сказанных по поводу празднования тысячелетия со времени кончины Св. Кирилла. – В: Записки Новороссийского университета. Т. 3. 1869, 9–10.
- ²⁶ Там же, 12–13.
- ²⁷ Григорович, В. И. На память о Борисе-Михаиле, праотце славянского просвещения. – В: Собр. соч. В. И. Григоровича. Одесса, 1916, с. 164.
- ²⁸ Григорович, В. И. Славянские древности. Лекции проф. В. И. Григоровича, читанные в Новороссийском университете в 1877–1878 г. Варшава, 1882, с. 12, 24.
- ²⁹ Кирпичников, А. В. И. Григорович и его значение в истории русской науки. – Исторический вестник, 1892, № 12, с. 771.
- ³⁰ Кирпичников, А. Григорович Виктор Иванович. – В: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898, п/т. 18, с. 718.
- ³¹ Маркевич, А. И. Двадцатипятилетие Новороссийского университета. Одесса, 1890, с. 243.
- ³² Горянов, Б. Т. Ф. И. Указ. соч., с. 31; Курбатов, Г. Л. Указ. соч., с. 107, 111.
- ³³ Подр. см.: Шаманаев, А. В. Деятельность Одесского общества истории и древностей по изучению Херсонеса. – В: Античная древность и средние века. Екатеринбург, вып. 34, 420–423; Сорочан, С. Б. Указ. соч., ч. 1, 137–139.
- ³⁴ Успенский, Ф. И. Значение византийских занятий в изучении средневековой истории (вступительная лекция). – ЗНУ, 1875, т. 16, 2–3.
- ³⁵ Успенский, Ф. И. К истории крестьянского землевладения в Византии. – ЖМНП, 1883, № 1, с. 31.
- ³⁶ Успенский, Ф. И. Отчёт о занятиях в течение минувшего полугодия (май–октябрь 1876). – ЗНУ, 1877, т. 22, 161–162.
- ³⁷ Успенский, Ф. И. О рукописях истории Никиты Акомината в Парижской национальной библиотеке. – ЖМНП, 1877, № 11, 64–65.
- ³⁸ Успенский Ф. И. Отчёт о занятиях..., с. 163.
- ³⁹ Там же, с. 164, 168.
- ⁴⁰ Успенский, Ф. И. О рукописях истории Никиты Акомината..., с. 71.
- ⁴¹ Успенский, Ф. И. Сочинения Михаила Акомината издания С. Ламброса. – ЗНУ, 1881, т. 32, 187–208; Успенский, Ф. И. К истории крестьянского землевладения в Византии. – ЖМНП, 1883, № 1, 30–87; № 2, 301–360.
- ⁴² Успенский, Ф. И. Неизданные речи и письма Михаила Акомината. – ЖМНП, 1879, № 1, с. 117.
- ⁴³ Там же, № 2, с. 376.
- ⁴⁴ Успенский, Ф. И. 1881. Сочинения Михаила Акомината..., с. 190, 194.
- ⁴⁵ Успенский, Ф. И. Царь Алексей II и Андроник Комнины (1180–1185). – ЖМНП, 1880, № 1, с. 98.

- ⁴⁶ Ср.: Шейнз, Ж.-К. История Византии. М., 2006, 116–123.
- ⁴⁷ Успенский, Ф. И. Царь Алексей II и Андроник Комнины..., 128–129.
- ⁴⁸ Ср.: Сюзюмов, М. Я. Внутренняя политика Андроника Комнина. – ВВ, 1957, т. 12, 61–62.
- ⁴⁹ Успенский, Ф. И. Царь Алексей II и Андроник Комнины..., с. 123.
- ⁵⁰ Там же, № 3, с. 73.
- ⁵¹ Сюзюмов, М. Я. Указ. соч., 62–63.
- ⁵² Курбатов, Г. Л. Указ. соч., с. 111.
- ⁵³ Успенский, Ф. И. К истории крестьянского землевладения..., с. 33.
- ⁵⁴ Там же, с. 83.
- ⁵⁵ Там же, № 2, с. 344, 360.
- ⁵⁶ Горянов, Б. Т. Ф. И. Указ. соч., с. 52; *Zachariae von Lingenthal, K.* Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts. Berlin, 1877.
- ⁵⁷ Иловайский, Д. Ещё о туризме в славянской истории. – ЖМНП, 1883, № 8, с. 384; ср.: Успенский, Ф. И. К истории крестьянского землевладения в Византии..., № 1, 76–77.
- ⁵⁸ Иловайский, Д. Указ. соч., с. 384.
- ⁵⁹ Бородин, О. Р. Византийская Италия в VI–VIII в. Барнаул, 1991, 54–55.
- ⁶⁰ Литаврин, Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI в. Проблемы одного столетия: 976–1081 гг. М., 1977, с. 41.
- ⁶¹ См.: Острогорски, Г. Пронија. Прилог историји феудализма у Византији и у јужнословенским земљама. – В: Српска Академија наука. Посебна издања. Београд, 1951, књ. 176; Хвостова, К. В. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии (XIV–XV в.). М., 1968; Lemerle, P. The Agrarian History of Byzantium: From the Origin to the Twelfth Century: The Sources and Problems. Galway, 1979; Ahrweiler, H. Pronoia a Byzance: Structures feodales et feodalisme dans l'Occident Mediterranee (X–XIII siecles). Paris, 1980; Хвостова, К. В. Особенности византийской цивилизации. М., 2005, 36–82.
- ⁶² Успенский, Ф. И. К истории крестьянского землевладения в Византии..., 359–360.
- ⁶³ Успенский, Ф. И. Значение византийской и южнославянской прони. – В: Сборник статей по славяноведению в честь В. И. Ламанского. СПб., 1883, с. 5.
- ⁶⁴ Острогорски, Г. Вказ. праця, с. 37.
- ⁶⁵ Сюзюмов, М. Я. Указ. соч., 56–61; Хвостова, К. В. Особенности аграрноправовых отношений..., с. 215, 219; Наумов, Е. П. К истории византийской и сербской прони. – ВВ, 1873, т. 34, 22–31; Литаврин, Г. Г. Византия и славяне. СПб., 1999, с. 35; Хвостова, К. В. Особенности византийской цивилизации. М., 2005, 63–81.
- ⁶⁶ Успенский, Ф. И. Значение византийской и южнославянской прони..., с. 30.
- ⁶⁷ Oikonomides, N. The Properties of the Deblitzenoi in 14th and 15th centuries. – In: Charanis Studies. New Brunswick, 1980, p. 178.
- ⁶⁸ Успенский, Ф. И. Значение византийской и южнославянской прони..., с. 2.
- ⁶⁹ Там же, 2–3.
- ⁷⁰ Там же, с. 13.
- ⁷¹ Литаврин, Г. Г. Византия и славяне..., с. 35.
- ⁷² Каждан, А. П. [Рецензия]. – ВВ, 1956, т. 10, с. 228 (Ref. of op.: Ostrogorski, G. Pour l'histoire de la feodalite byzantine. Bruxelles, 1954).
- ⁷³ Charanis, P. The Monastic Properties and the State in the Byzantine Empire. – DOP, 1948, № 4, p. 88; Lemerle, P. The Agrarian History of Byzantium..., p. 232; Ahrweiler, H. Pronoia a Byzance: Structures feodales et feodalisme dans l'Occident Mediterranee..., 683–684; Svoronos, N. Le domaine de Lavra sous les Paleologues. – In: Actes de Lavra. Cd. A. Guillou, P. Lemerle, D. Papachryssanthou, N. Svoronos. Vol. 4. Paris, 1982, 164–171.
- ⁷⁴ Успенский, Ф. И. Значение византийской и южнославянской прони..., 27–28.
- ⁷⁵ Хвостова, К. В. Особенности аграрноправовых отношений..., с. 181.
- ⁷⁶ Наумов, Е. П. К истории византийской и сербской прони ..., с. 25.
- ⁷⁷ Успенский, Ф. И. Материалы для истории землевладения в XIV в. – ЗНУ, 1883, т. 38, с. 1.
- ⁷⁸ Dölger, F. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des X und XI Jahrhunderts. Berlin, 1960, s. 93; Хвостова, К. В. Особенности аграрноправовых отношений..., с. 39.

- ⁷⁹ Успенский, Ф. И. Материалы для истории землевладения в XIV в..., с. 2.
- ⁸⁰ Там же, 22–26.
- ⁸¹ Успенский, Ф. И. Следы писцовых книг в Византии. – ЖМНП, 1884, № 1, с. 2.
- ⁸² Там же, с. 42.
- ⁸³ Там же, № 2, с. 315.
- ⁸⁴ Там же, с. 317–318.
- ⁸⁵ Там же, № 7, с. 25.
- ⁸⁶ Там же, с. 37.
- ⁸⁷ Гийу, А. Византийская цивилизация. – Екатеринбург, 2005, с. 270.
- ⁸⁸ Успенский, Ф. И. Следы писцовых книг в Византии..., с. 317.
- ⁸⁹ Там же, № 7, с. 30.
- ⁹⁰ Хвостова, К. В. Особенности аграрноправовых отношений..., с. 114.
- ⁹¹ Сорочан, С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена. Изд. 2-е, испр. и доп. X., 2001, с. 471.
- ⁹² Успенский, Ф. И. [Рец.]. – ЖМНП, 1884, № 4, с. 286 (рец. на кн.: Розен, В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883).
- ⁹³ Успенский, Ф. И. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879, с. 16, 59.
- ⁹⁴ Там же, с. 123.
- ⁹⁵ Там же, 130–131.
- ⁹⁶ Иречек, К. История болгар. Пер. Ф. К. Бруна и В. Н. Палаузова. Одесса, 1878, 298–299.
- ⁹⁷ Литаурин, Г. Г. Византия и славяне..., 348–349.
- ⁹⁸ Успенский, Ф. И. Образование Второго Болгарского царства, с. 167.
- ⁹⁹ Васильевский, В. [Рецензия]. – Журнал министерства народного просвещения. 1879, № 7, с. 169 (рец. на кн.: Успенский, Ф. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879); Дринов, М. С. Разбор сочинения Ф. Успенского. 89–90, с. 98. – Записки Императорской Академии Наук. Т. 39, 1881. Приложения (рец. на кн.: Успенский, Ф. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879).
- ¹⁰⁰ См.: Успенский, Ф. И. Мелик Гази и Лзул-Нун Данишменды. – ЗООИД, 1879, т. 11, 229–268.
- ¹⁰¹ Курбатов, Г. Л. Указ. соч., с. 114.
- ¹⁰² Кондаков, Н. П. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876.
- ¹⁰³ См.: Лиман, С. И. Средневековые генуэзские поселения в Крыму в творчестве В. Н. Юргевича (1819–1898). – В: Древнее Причерноморье. Сб. статей, посвященный 85-летию со дня рождения проф. П. О. Карышковского. Одесса, 2006, 124–129.
- ¹⁰⁴ Юргевич, В. Исторический очерк пятидесятилетия императорского Одесского общества истории и древностей (1839–1889). Одесса, 1889, с. 65; ср.: Сорочан, С. Б. Византийский Херсон..., с. 750, прим. 260.